

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: sablinas@rambler.ru

² Государственный университет – Высшая школа экономики
Кочновский проезд, 3, Москва, 101000, Россия
E-mail: arinka_novosib@mail.ru

ПРАКТИКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СЛОЖНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ

В статье анализируются практики преодоления сложных жизненных ситуаций, в которых отражается двойственность социального мира. Структурные ограничения как внешние объективные обстоятельства формируют ограниченный набор альтернатив, однако актор – при наличии мотивации и агентов поддержки – способен реализовать один из сценариев выхода из кризиса. Специфика изучения практик преодоления сложных жизненных ситуаций, которые не всегда доступны для повседневного наблюдения, предопределяет выбор биографического (нарративного) метода как стратегии исследования, фокусирующей внимание на субъективных интерпретациях событий прожитой жизни.

Ключевые слова: сложная жизненная ситуация, социальная практика, структурные ограничения, биографический (нарративный) метод.

Практики как кристаллизация структурных ограничений и активности индивидов по их преодолению

Кризисные моменты неизбежно возникают на различных этапах жизненного пути. В условиях социальных трансформаций, усиливающих неопределенность социальной среды и затрагивающих судьбы многих людей, практики преодоления сложных жизненных ситуаций приобретают особое значение. Актуальность данной социальной проблематики обуславливает важность не только постановки корректного «социального диагноза», но и реализации последующих шагов – в частности, разработки соответствующих эффективных мер поддержки людей, не способных самостоятельно справиться с жизненными трудностями.

Характерной чертой жизненных ситуаций, относящихся к разряду «сложных», «кризисных», «критических» или «трудных», являются признаки нарушения привычного течения событий. Признаком «критической ситуации» Э. Гидденс считал наличие «непредсказуемых обстоятельств радикального разобщения (нарушения) це-

лостности» [2003. С. 112]. Ее отличительной чертой является состояние деятельностной амбивалентности, т. е. рассогласование привычных способов деятельности. Кризисный период нередко активизирует прагматическую рефлексивность индивида, выступает импульсом для размышлений о новых моделях поведения на «крутых виражах» жизненного пути, влияющих на дальнейшие сценарии развития событий. Используемая в работе трактовка *сложной жизненной ситуации* предполагает ее анализ в контексте событий, нарушающих привычный для индивида образ жизни и побуждающих выбрать принципиально новые стратегии поведения либо пересмотреть основания жизни и способы согласования своих отношений с собой, другими людьми, миром в целом [Александрова, 2005]. Несмотря на то, что эти ситуации нарушают «нормальную» (привычную, повседневную) последовательность, с точки зрения действующего индивида, они все же являются существенным элементом целостности социальной жизни и имеют очевидную тенденцию к рутинизации. Повторяющиеся при определенных обстоятельствах действия многих людей формируют «практики» выхода из

кризиса. Обращение к понятию «социальная практика» позволяет одновременно учитывать момент воспроизводства социальной структуры, правил и ресурсов, а также параллельного производства и воспроизводства самих практик акторами в их действиях [Гидденс, 2003]. Потенциал представления о практиках – скорее инструментальный, нежели объяснительный [Воздействие..., 2009] – позволяет расширить горизонт познания сложной ткани социальных отношений, в которой проявляется двойственность социального мира: наличие внешних, объективных условий для индивида и его субъективных переживаний, социального опыта, деятельности по изменению ситуации.

Предпринимая конкретные шаги для преодоления кризиса, человек сталкивается с рядом ограничений, которые определяют степень его «свободы» в принятии того или иного решения. Не случайно в переломные моменты жизни особенно чувствительно «давление, оказываемое переплетением человеческих взаимосвязей на отдельного индивида, ограничения, налагаемые структурой» [Элиас, 2001. С. 52]. Внешние – по отношению к личности – обстоятельства оказывают обуславливающее, стимулирующее и корректирующее воздействие на процесс принятия индивидуальных решений. Структурные правила социальной жизни используются и понимаются индивидами как некие ограничители, способные влиять на процесс установления или воспроизводства социальных практик. Можно говорить о так называемых структуральных принуждениях как об ограничениях альтернатив, доступных действующему индивиду в данном социальном контексте. Действия индивидов имеют непосредственное отношение к границам (*score*), которые – по ощущениям людей – придают форму (*shape*) и определенное очертание их собственным жизненным ситуациям [Woolley, 2009].

Структурные ограничения, с одной стороны, и активно действующий индивид, который (вос-)производит некоторые социальные практики – с другой, находятся в состоянии взаимного генезиса [Бурдьё, 1994]. В сложной жизненной ситуации нестандартный взгляд на структуральные свойства-принуждения – не только как внешнее неподвластное человеку давление

обстоятельств, но и импульс для изменения привычных схем мышления и действия – расширяет палитру альтернативных решений индивидуальных проблем и способов «перезагрузки» социальных отношений. Свойство дуальности структуры – одновременно как возможности и ограничения инициативы и действий актора – позволяет встраивать социальные практики, (вос-)производимые в данном континууме жизненных контекстов, в более широкие диапазоны времени и пространства. По мнению П. Бурдьё, неотъемлемой характеристикой практики является ее вписанность в «объективные и субъективные структуры, предшествующие ей во времени» [Коркюф, 2002. С. 55].

Обусловленность действий актора наличием объективных социальных структур не вызывает сомнений, однако степень их воздействия на жизнь и принятие решений отдельным индивидом варьируется в зависимости от его социальной позиции, системы релевантностей и диспозиций. При рассмотрении способов преодоления критических моментов жизни индивидами, лишенными властного социального капитала, М. де Серто употребляет термин «тактики потребления, с помощью которых слабые используют сильных» [Certeau, 1988. Р. 27]. Практика, направленная на маневрирование в рамках существующего социального порядка, придает ему некое игровое содержание, создавая пространства для взаимодействия неравных сил. Даже в условиях ограниченной индивидуальной свободы это позволяет совершать оппозиционные действия. По мнению де Серто, индивидов нельзя назвать только потребителями навязываемого им извне социального порядка, они творчески «мастерят» практики действия внутри его ограничивающих рамок согласно собственным индивидуальным потребностям. Актеры создают «мириады бесконечно малых превращений внутри доминирующей культурной экономики, чтобы адаптировать ее к своим собственным интересам и собственным правилам» [Ibid. Р. 35]. Такого рода практики рассматриваются как тактики сопротивления «слабых», позволяющих противостоять стратегиям доминирования, которые используют «сильные» индивиды, или власть имущие. В этом контексте действующий индивид предстает перед нами не

беспомощным объектом воздействия внешних системных правил и ограничений, а человеком, способным виртуозно использовать преимущества ситуации в пространстве с сетями уже устоявшихся сил и репрезентаций.

Биографический (нарративный) метод как исследовательская стратегия

Специфика изучения практик преодоления сложных жизненных ситуаций, которые не всегда доступны для повседневного наблюдения, предопределяет выбор качественной стратегии исследования. Она оправдана при изучении индивидуального аспекта социальной практики – реального жизненного опыта конкретных людей в конкретных жизненных обстоятельствах [Семенова, 1998]. На современном этапе развития социальных наук наблюдается тенденция переосмысления предмета, методов и метатеоретических оснований научного познания, которые получили обобщенное название интерпретативного, или лингвистического, «поворота». В связи с этим становятся актуальными биографические исследования, базирующиеся на технике нарративного интервью. Внимание фокусируется на рассказанной респондентом истории пережитых событий, жизненный опыт индивида репродуцируется исходя из той релевантности, какую он имеет для самого информанта [Журавлев, 1994]. Вместе с тем можно предположить, что способы интерпретации мира респондентами являются по своей природе intersubjectivными – в некотором роде типифицированными и понятными слушателю.

В исследовании социальных практик интерес представляет не только вертикальный срез, т. е. рассмотрение их как аскриптивных, наследованных вариантов действия (аспект времени). Важным моментом является горизонтальный срез как аспект локализации социальных практик в определенной социальной общности (контекст пространства). Палитра событий, формирующих сложную жизненную ситуацию, разнообразие трудностей и источников их возникновения, множественность психологических и социальных последствий формируют уникальную для индивида ситуацию,

требующую анализа вариантов выхода из нее в возможном спектре жизненных контекстов. В связи с этим оправдано фокусирование внимания исследователей на *специфических* жизненных ситуациях, чтобы уловить индивидуальную и ситуационную особенность феномена. В российских реалиях актуальным является изучение способов преодоления семейных кризисных ситуаций, трудностей в учебной и профессиональной деятельности, бедности [Коженикова, 2006], стратегий выживания одиноких матерей [Киблицкая, 1999; Данилова, 2009]. В данном исследовании информантами выступали женщины, оказавшиеся в сложной жизненной ситуации в связи с рождением ребенка и отсутствием (по разным причинам) поддержки со стороны различных структур и акторов. Стечение их жизненных обстоятельств предопределило обращение за помощью к одной из некоммерческих организаций, оказывающей поддержку людям из групп риска. Данная организация опирается в своей работе на популярный в современной Европе, но мало знакомый российским теоретикам и практикам принцип субсидиарности [Carozza, 2003; Colombo, 2008]. Организация фактически выступает посредником и способствует интеграции (объединению) индивида с сообществом (в данном случае – локальным), налаживая процесс взаимного обмена усилиями и ресурсами. В течение марта-июня 2010 г. проведены 29 нарративных биографических интервью с женщинами, которые получали (получают) разные виды поддержки за время существования проекта с 1997 г.

Разведывательным шагом при организации интервью в русле «устной истории» являются подготовка и сбор предварительной информации [Томпсон, 2003]. Необходимость предварительного «вхождения в поле» и знакомства с будущими респондентами была обусловлена фактом их непростой судьбы и важностью налаживания доверительных и дружеских отношений. Изучение биографического материала как социального феномена подразумевает вычленение в ткани нарратива не только социальной функции биографий, но и изучение «тех социальных процессов, в ходе которых создается биография» [Розенталь, 2003. С. 323].

На первом этапе реализации биографического метода проводилось наблюдение за женщинами в помещении организации, выбранном в качестве основного места проведения интервью. Именно эта обстановка оказалась наиболее комфортной для респондентов, повествование о жизни которых связано с сильными эмоциональными переживаниями.

В процессе интервьюирования исследователи занимали позицию активного и методического слушания, которое позволяет распознавать смысл не только того, что люди говорят, но и по каким-то причинам умалчивают. Структура гайда для проведения биографических нарративных интервью состояла из двух блоков. Первый – основное повествование – стимулировал респондента на рассказ о жизни как последовательности событий (начиная с первого сюжета, который отложился в памяти) [Denzin, Lincoln, 2005]. В проведенных интервью это повествование занимало от половины до трех часов. Вторая часть представляла собой уточнение параметров сложной жизненной ситуации и сценариев ее преодоления. Подобная тактика ведения разговора обусловлена, во-первых, представлениями о биографической детерминированности ситуации, которая имеет для действующего индивида свою историю: она есть выражение всех его прежних субъективных переживаний и интериоризированных в процессе социализации жизненных установок и системы релевантностей. Во-вторых, акцент на «поворотных моментах» и кризисных точках часто необходим в связи с включением их в повествование наряду с другими событиями, формирующими общую сюжетную линию [Мазлумянова, 2007].

На этапе интерпретации текстов интервью, пользуясь терминологией Г. Розенталя, проводился «генетический анализ» тематического поля, в ходе которого реконструировался субъективный биографический смысл конкретного события в момент его свершения, а также значимой для респондента хронологической последовательности (ткань нарративного повествования далеко не всегда последовательна и логична). Анализ тематического поля отвечает задаче реконструкции системы мировосприятия, характерной для индивида, воссозданию

пережитого им опыта в терминах субъективных переживаний и смыслов. На этом этапе важно не потерять «нить» повествования, не упустить детали, способные сообщить о структуре интерпретации своей жизни самим человеком, даже если он это делает ненамеренно. Каждый нарративный сегмент встроен в «объединенную общим смыслом биографическую конструкцию» [Розенталь, 2003. С. 326], он рассматривался не изолированно, а в контексте рассказа о прожитой жизни. Логика повествования позволяла вычленивать нарративные сегменты и затем воссоздать целостную картину биографии индивида как совокупности запомнившихся сюжетов. Это некий «задний план» или фон, который раскрывает центральную линию всего повествования.

Принимая во внимание, что «рассказы о жизни не представляют собой законченных продуктов» [Там же. С. 329], при реконструкции практик преодоления сложных жизненных ситуаций использованы элементы критического дискурс-анализа в версии Н. Фэркло, при этом дискурс понимается как «особый способ общения и понимания окружающего мира (или какого-то аспекта мира)» [Филипс, Йоргенсен, 2004. С. 15]. Рассказ о своей собственной жизни формируется в ходе смыслоконструирования и смыслополагания, тогда он становится не просто способом описания, отражения и интерпретации окружающей действительности, но и самостоятельным актом его творения, конструирования социальной реальности. Дискурс-анализ не является сам по себе достаточным вследствие многослойности социальной практики, включающей как дискурсивные, так и недискурсивные элементы. На следующем этапе анализа в речевом дискурсе информантов необходимо вычленивать устойчивые конструкции как повторяющиеся по форме эпизоды, которые наполняются уникальным содержанием в рассказе конкретного человека. Каждое «устное свидетельство» (повествование) рассматривалось как источник и основа «построения аргументации относительно моделей поведения людей» [Томпсон, 2003. С. 270]. При интерпретации нарративов важна последовательность и повторяемость событий в жизни респондентов, поэтому используемый герменевтический анализ

текстов основан на принципах реконструктивного анализа (principle of reconstructive analysis) и последовательности (principle of sequentiality). В рамках последнего признается, что любое действие представляет собой выбор между несколькими потенциально возможными в данной ситуации альтернативами. Цепочка действий, которая появляется в тексте повествования в виде неких событий, отражает процесс выбора индивида.

Таким образом, многоуровневый анализ позволяет реконструировать множественность практик преодоления сложных жизненных ситуаций как кристаллизации структурных ограничений и активности индивида по их преодолению. Генетический анализ направлен на вычленение повторяющихся сюжетов из истории жизни, анализ тематических полей способствует воссозданию общей биографической конструкции разных респондентов со схожими способами выхода их кризиса. Дискурс-анализ, акцентирующий внимание на текстуально-лингвистических особенностях текстов повествований, приводит в соответствие форму и содержание посредством сопоставления того, что было сказано и как это было сказано.

Список литературы

- Александрова А. Л.* Особенности использования нарративной терапии в работе с детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации // Психологическое и социально-педагогическое сопровождение детей и молодежи: Материалы междунар. науч. конф.: В 2 т. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2005. Т. 1. 223 с.
- Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // Бурдые П. Начала / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
- Воздействие* западных социокультурных образцов на социальные практики в России: Теория наблюдения, биограф. Интервью / Под ред. В. А. Ядова. М.: ТАУС, 2009. 352 с.
- Гидденс Э.* Устройство общества: Очерк теории структуриации. М.: Академ. проект, 2003. 528 с.
- Данилова С. С.* Одинокое материнство в общественном мнении // Социол. исследования. 2009. № 5. С. 138–141.
- Журавлев В. Ф.* Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология. М. 1994. № 3–4. С. 34–43.
- Киблицкая М. В.* Исповеди одиноких матерей: социологический анализ стратегий выживания и нарушений прав одиноких матерей в переходной экономике. М.: Эслан, 1999. 157 с.
- Кожневникова Е. Ю.* Личностные ресурсы преодоления ситуации социально-экономической депривации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006.
- Коркюф Ф.* Структуралистский конструктивизм Пьера Бурдые // Коркюф Ф. Новые социологии / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2002. С. 42–59.
- Мазлумянова Н. Я.* Биографические интервью с российскими социологами: методико-методологические аспекты // Социол. журнал. 2007. № 2. С. 88–108.
- Розенталь Г.* Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических интервью // Хрестоматия по устной истории. СПб.: ЕУ, 2003а. С. 322–356.
- Семенова В. В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросовет, 1998. 289 с.
- Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2003. 368 с.
- Филипс Л. Дж., Йоргенсен М. В.* Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2004. 336 с.
- Элиас Н.* Общество индивидов: Пер. с нем. М.: Праксис, 2001. 336 с.
- Carozza P.* Subsidiarity as a Structural Principle of International Human Rights Law // American Journal of International Law. 2003. No. 97 (1). P. 38–79.
- Certeau M.* The Practice of Everyday Life. Berkeley. University of California Press, 1988. 229 p.
- Colombo A.* The 'Lombardy Model': Subsidiarity-Informed Regional Governance // Social Policy & Administration. 2008. Vol. 42. No. 2. P. 177–196.

Denzin N. K., Lincoln Y. S. (Eds.). The SAGE Handbook of Qualitative Research: 3rd ed. Thousand Oaks: Sage, 2005. 1232 p.

Woolley C. M. Meeting the Mixed Methods Challenge of Integration in a Sociological

Study of Structure and Agency // Journal of Mixed Methods Research. 2009. Vol. 3. No. 1. P.7–25.

Материал поступил в редколлегию 25.09.2010

S. G. Sablina, A. V. Sharonova

PRACTICES OF OVERCOMING CRITICAL LIFE SITUATIONS

The article discusses practices of overcoming critical life situations which reflect the duality of the social sphere. Structural limitations as external objective circumstances form a limited set of alternatives, however, an actor, given his (her) own motivation and supporting agents, is able to realize one of the possible scripts of overcoming the crisis. The specific nature of research into the practices of overcoming critical life situations, which are not readily available for everyday observation, predetermines the choice of the biographical (narrative) method as a research strategy focused on subjective interpretations of one's life past events.

Keywords: critical life situations, social practices, structural limitations, biographical (narrative) method.